

Харитонов В.И., Криппнер С.

**АНТРОПОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ**

Валентина Харитонова беседует со Стэнли Криппнером

КРИППНЕР, Стэнли – широко известный американский психолог, профессор Института Сэйбрук и Калифорнийского института интегральных исследований. Является членом более чем 50 профессиональных организаций, в число которых входят: Американская антропологическая ассоциация, Американская ассоциация содействия развитию науки, Международная ассоциация по исследованию сновидений (вице-президент) и др. Степень BS получил в 1954 году в Висконсинском университете в Мадисоне; степень MA – в 1957 году в Северо-Западном университете, степень PhD – в 1961 году в том же университете. По различным вопросам психологии опубликовал несколько десятков монографий, около 100 глав в сборниках и более 1000 статей в академических журналах. Его работы публиковались, в том числе, на русском языке в СССР и РФ. Некоторые работы С. Криппнера переведены на русский язык.*

Ключевые слова: антропология сознания, Американская антропологическая ассоциация (ААА), трансперсональная антропология, включенное наблюдение, измененные состояния сознания, шаманы, колдуны, аяуаска, экология, этнонаркотицизм

Аннотация: Разговор со Стэнли Криппнером, одним из основоположников антропологии сознания – относительно нового научного направления, при этом широко известного в мире, посвящен предмету, методологии и методам исследования, используемыми антропологами. С. Криппнер рассказывает о формировании в США антропологии сознания как научного направления.

Сообщает о собственных исследованиях в рамках этого направления (в т.ч. с применением практики приема различных психоактивных веществ). В интервью упоминается о знаменитых феноменах, например о «Докторе Фрице» (вселяющемся в людей как дух хирурга). Рассматривается вопрос об «этно-наркотиризме», связанном с аяуаской, и многое другое.

В.Х.: Дорогой профессор Криппнер, позвольте задать Вам несколько вопросов об *антропологии сознания* – научном направлении, активно развивающемся в науке США и других стран мира, к созданию которого Вы имеете непосредственное отношение, а также об *Ассоциации антропологии сознания*, уже несколько лет существующей как самостоятельная секция Американской антропологической ассоциации.

Сначала – естественно – хотелось бы услышать: что такое *антропология сознания* с точки зрения одного из её основателей?

С.К.: Слово «сознание» имеет множество определений. Я использую этот термин для обозначения того паттерна восприятия, когнитивной деятельности, и/или эмоции, который характеризует живой организм в определенном месте, в определенное время. Антропологи исследуют схожие черты и различия между человеческими группами – их психологию, эволюцию, культуру (например, языки, социальные структуры, системы представлений, художественное творчество, методы адаптации к окружающей среде), а также паттерны восприятия, познания и/или эмоций. Таким образом, антропология сознания направлена на изучение одной категории в области антропологии, пусть даже и пересекающейся с другими категориями.

В.Х.: Расскажите, пожалуйста, как возникло это направление, что стало стимулом для формирования антропологии сознания как самостоятельной дисциплины?

С.К.: Антропология сознания была частью антропологии, начиная с её ранних дней, однако оформилась в отдельную дисциплину лишь в 1952 году. В открытом письме коллегам-антропологам Дж.Р. Суонтон написал, что в этой науке существуют аспекты, «к которым не обращаются в честной, по-настоящему научной манере». Суонтон имел в виду так называемые парапсихологические феномены, однако другие антропологи начали добавлять к этому дополнительные проблемы, частично связанные с работами Карлоса Кастанеды, который получил PhD в области антропологии в Калифорнийском университете (Лос-Анджелес) и написал ряд бестселлеров о своих приключениях с неким колдуном из племени яки, доном Хуаном Матусом. Достоверность этих работ неясна, но они стимулировали формальные исследования антропологов в области трансформаций сознания, в частности под воздействием психоактивных веществ, созерцательных дисциплин, осознанных сновидений, шаманских ритуалов и других практик.

В 1973 году, вскоре после ежегодного собрания Американской антропологической ассоциации (ААА), где Джозеф Лонг произнес речь об антропологии и парапсихологии, он созвонился со Стефаном Шварцем, который проводил археологические исследования, используя парапсихологические методы. Они подали заявку на целый симпозиум по этой тематике на конгрессе ААА в 1974 году, и она была одобрена. Симпозиум привлек огромное число людей; он также сопровождался значительными спорами, в особенности по поводу работы Нормана Эмерсона об аномальных феноменах, которые он наблюдал, изучая племена ирокезов в Северной Америке. Позднее в тот же день Шварц встретился с Маргарет Мид, известным антропологом, которая рассказала ему о своем личном опыте и поддержала использование научного подхода в изучении этих вопросов.

Шварц, Лонг и Эмерсон на встрече во время собрания поставили вопрос о том, достаточен ли научный интерес к этой проблематике, чтобы создавать фор-

мально специальное сообщество. Они сошлись на том, что следует организовать второй симпозиум в рамках AAA в 1975 г., третий – в 1977, и четвертый – в 1978.

Симпозиум 1978 года был проведен в Юго-западной антропологической ассоциации и стал тем событием, на котором было объявлено о создании Ассоциации трансперсональной антропологии. Я присоединился к этой группе и представил несколько работ на их ежегодных встречах. Название самой организации претерпело несколько изменений, прежде чем оно превратилось в Общество антропологии сознания (Society for the Anthropology of Consciousness), официально ставшим частью AAA в 1990 году.

Первоначальное издание группы под названием «Феникс» со временем стало внушительным журналом «Антропология сознания», в котором печатаются статьи антропологов со всего мира.

В.Х.: Скажите, какие методологические подходы отличают это направление? Сколь велика и значима в нём роль приборного обследования испытуемых?

С.К.: Антропологи, изучающие сознание, используют те же исследовательские методы, которые характеризуют работу других антропологов. Я узнал об этих методах, когда впервые посетил занятия по антропологии в Висконсинском университете в начале 1950-х. Моим преподавателем был Уильям Хоуэллс, в то время президент AAA, известный благодаря его развевавшему идеологию расизма выводу, что современные люди – представители единого вида.

Антропология сознания использует, скорее, методы, модные среди культурных антропологов, чем среди физических: кросс-культурные сравнения, интервью, анкетирование, полевые наблюдения, включенное наблюдение, работу в архивах. Например, я принимал напитки, изменяющие сознание, и курил вещества, изменяющие сознание, по приглашению шаманов. Однако я занимал позицию наблюдателя во время тех церемоний, где единственными активными участниками были предсказатели или шаманы. Я использовал ан-

кеты, изучая гендерные различия между мужчинами и женщинами среди афро-бразильских медиумов. Я проводил интервью, пытаюсь определить природу «целительского зова» (“one’s call to heal”), и проводил кросс-культурные сравнения различных аборигенных целительских систем. Архивные исследования были необходимы, когда я конструировал модели интерпретации снов/видений у некоторых северно-американских племен до европейского захвата и колонизации Америк.

Мой коллега и я даже записали физиологические параметры двух бразильцев, которые утверждали, что «вселяют» духов. Было обнаружено, что изменения в функционировании их мозга и тела схожи с изменениями известной практика из США, который утверждал, что занимается «ченнелингом» информации от бестелесной сущности. Это метод – пример нейроантропологии – применения методов и идей нейронаук в антропологических исследованиях. Я думаю, что этот подход будет получать все большую популярность, как только будут доступны более компактные и портативные устройства для изучения физиологии в условиях поля.

В.Х.: Во всём мире Вас хорошо знают как ученого, много работавшего с необычными феноменами сознания. Например, фильм о докторе Фрице, к которому Вы имеете самое непосредственное отношение, демонстрирует просто фантастические способности человеческого сознания. Что Вы можете рассказать о подобных необычных феноменах сознания и достижениях в их исследовании методами антропологии сознания либо инструментами иных методологий?

С.К.: У меня есть эпизодические роли в нескольких фильмах, многие из них – о бразильских целителях (practitioners), которые погружаются в измененные состояния сознания во время целительских сессий. Вдобавок мне удалось привлечь коллег, которые привезли оборудование для физиологического мониторинга целителей, чтобы регистрировать изменения в их мозго-

вых волнах, напряжении мышц, сердцебиении, электрической проводимости кожи и других функциях. Одним из открытий стало то, что исследуемые целители (practitioners) не «притворялись» и не «симулировали» свое нахождение в трансе. Если бы это было так, то не случилось бы глубоких изменений в их физиологических параметрах, за которыми мы наблюдали. У некоторых целителей (practitioners) были ученики, которые также позволили нам себя протестировать. Изменения их телесных параметров не были столь разительными, как у их учителей, тем не менее, они достаточно отличались от их обыденных показателей.

Это говорит нам о том, что прилежные студенты могут научиться тому, как изменять свое сознание, чтобы благоприятно воздействовать на больных людей, которым они пытаются помочь. Это также указывает на то, что такие практики должны совершаться с особым вниманием. Я видел, как один бразильский целитель вселял так называемого «Доктора Фрица», выполняющего хирургические операции скальпелями и другими инструментами, не используя анестезию. Его бразильские клиенты говорили, что не испытывают боли, в то время как американские клиенты ощущали глубокий дистресс. По моей догадке, ответ крылся в ожиданиях: бразильцы ожидали безболезненную операцию, а американцы не имели таких ожиданий и страдали от последствий.

В.Х.: Какую роль в Вашем обращении к антропологии сознания, к формированию этого направления сыграло Ваше увлечение исследованием шаманизма и ИСС в шаманских практиках?

С.К.: Мой интерес к шаманизму и измененным состояниям сознания предвосхитил формирование антропологии сознания как самостоятельной дисциплины. После организации Общества антропологии сознания, я сделал все, что мог, чтобы распространить информацию об этом движении. Конечно же, похожие движения имели место в других частях мира, в особенности в

России, где этнологические исследования и публикации внесли существенный вклад в эту область. Я – психолог, и провел много экспериментов в лаборатории сна и сновидений (a sleep and dream laboratory). Когда я вступил в ААА и Общество антропологии сознания, я привнес психологическую перспективу в работу этих групп.

В.Х.: Недавно в Москве в переводе на русский язык вышла Ваша очень интересная книга о шамане по имени Рокочущий Гром¹, другом которого Вы были на протяжении многих лет. Скажите, что лично Вам дало это общение и насколько Ваше погружение в шаманизм, благодаря Рокочущему Грому, способствовало изменению Ваших представлений о мире? И было ли это ещё одним шагом на пути создания антропологии сознания?

С.К.: Я заинтересовался шаманизмом задолго до того, как повстречал Рокочущего Грома – целителя, ставшего героем книги с русским названием «Шаман по имени Рокочущий Гром» (оригинальное название – «Listen to the Rolling Thunder: Incredible Tales about an Intertribal Medicine Man», – *прим. перевод.*). Я написал эту книгу совместно с Сидианом Утренней Звездой, внуком Рокочущего Грома, и мы рады, что русские читатели могут узнать об этом выдающемся человеке. Я встретил Рокочущего Грома задолго до основания Общества антропологии сознания и делал несколько докладов о моей работе с ним на их ежегодных собраниях. Например, я обсуждал, как его целительские сессии включали техники, схожие с западными гипнотическими практиками, а также как он последовательно совмещал политический активизм и роль целителя. Рокочущий Гром был заинтересован не только в лечении людей, но и в избавлении планеты от экологических разрушений, от чего она страдает. Забота об окружающей среде была тем главным моментом, благодаря которому общение с Рокочущим Громом трансформировало мою картину мира.

В.Х.: В нескольких Ваших работах, например, в опубликованных в международной серии книг «Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам» (тома: 4, 5, 6, 7, 10, 17) и в журнале «Этнографическое обозрение» (2007, № 1), Вы сообщали о Вашем непосредственном участии в экспериментах по изучению ИСС, в том числе с приёмом айяуаски. Не секрет, что в настоящее время некоторые шамановеды активно приобщаются к практике приёма галлюциногенов. Как Вы считаете, насколько далеко ученый может заходить в таких экспериментах: испытывать на себе воздействие галлюциногенов, например? Не повредит ли это чистоте восприятия сложных психологических феноменов и объективности их научных оценок специалистом?

С.К.: Уильям МакГоверн был моим преподавателем антропологии в Северо-Западном университете, где я учился в аспирантуре. Он изучал перуанские дождевые леса ещё до моего рождения и был первым антропологом, который написал о своих реакциях на напиток, меняющий сознание, – *каапи*, также известный как *яге* или *айяуаска* (аяуаска). Я был очарован его историями и с жадностью прочел его книгу «Тропы джунглей и развалины инков» (англ. «Jungle Paths and Inca Ruins: Our Exploration of the Upper Amazon», – прим. перевод.), где он подробно рассказал о своих приключениях в Южной Америке.

Я принимал айяуаску десять раз, но всегда в рамках организованного ритуала, например, ритуала, предлагаемого церковью Санто-Дайме (Santo Daime) или церковью «Vegetable Unity». Эти случаи – примеры включенного наблюдения, и я бы не понял эффект напитка, не получив такой опыт. Конечно же, это поменяло мое восприятие эффекта от напитка. Однако если человек не принимает его, так называемая «объективность» не гарантирована, в связи с тем, что наблюдатель просто пишет о ритуале по-иному, со стороны. *Этик*-подход имеет свои преимущества и недостатки, то же касается *эмик*-

подхода. Мы должны проводить исследования с обеих позиций, возможно – с двумя разными командами исследователей.

В.Х.: Марлен Добкин де Риос, активно участвовавшая в издании нашего журнала, которую, насколько мне известно, Вы хорошо знали, тоже интересовалась антропологией сознания – много писала о том, что регламентированное использование галлюциногенов в традиционных практиках не может принести человеку вреда, в отличие от бесконтрольного потребления той же айяуаски, например, в современном этнонаркотуризме. Как Вы считаете – так ли это? И что говорит о таком пути «развития сознания» современная антропология сознания?

С.К.: Перу моего дорогого друга Марлен Добкин де Риос принадлежит несколько наиболее проницательных статей и книг об айяуаске. По ее утверждению, долгосрочные последствия регулируемого употребления айяуаски не несут вреда, и медицинское исследование Чарльза Гроба и его коллег подтверждает эти выводы. Тем не менее, она писала, что нерегулируемое использование, так называемый «этнонаркотуризм», может быть опасен, и, я думаю, она была права. Я знаю о людях, которые подвергались финансовым манипуляциям и сексуальным злоупотреблениям во время некоторых «айяуаска-туров».

Антропология сознания может занять активную позицию в предупреждении людей о неконтролируемом использовании айяуаски и других психоактивных веществ. Помните о том, что изначально они считались священными и использовались для духовного развития. Они по-прежнему могут приносить пользу, если будут использоваться в рамках ритуала.

В.Х.: Сравнительно недавно начало формироваться ещё одно научное направление, близкое антропологии сознания, которое именуется *нейроантропологией*. Можете ли Вы сказать, каковы «точки пересечения» этих направлений, насколько они взаимодействуют и взаимодополняют друг друга?

С.К.: Когда-то мы с моим коллегой даже записали физиологические параметры двух бразильцев, которые утверждали, что «вселяют» духов. Было обнаружено, что изменения в функционировании их мозга и тела схожи с изменениями известного практика из США, который утверждал, что занимается «ченнелингом» информации от бестелесной сущности. Это метод – пример «нейроантропологии» – применения методов и идей нейронаук в антропологических исследованиях. Я думаю, что этот подход будет получать все большую популярность, как только будут доступны более компактные и портативные устройства для изучения физиологии в условиях поля.

Антропология сознания стала интердисциплинарной областью.

Общество антропологии сознания привлекло психологов, психиатров, социологов, творческих людей и других профессионалов. В США и прочих местах существуют тренинги для людей (practitioners), которые хотят использовать шаманские техники, не становясь при этом шаманами. Лучшими из этих программ руководят Майкл Харнер (антрополог), Альберто Виллолдо (медицинский антрополог, который живет в Чили), Эдуардо Луис Луна (живущий в Бразилии) и другие. Существует ряд образовательных программ, где студенты могут изучать антропологию сознания и писать дипломные работы (диссертации) на темы, связанные с шаманизмом, айяуаской, медиумизмом, медитативными практиками Юго-Восточной Азии, северо-американскими духовными практиками, осознанными сновидениями, шаманскими путешествиями во сне (shamanic “dream walking”), дыханием пранаямы, даосскими практиками почитания рода (предков) и схожими темами. Со временем антропологии сознания может понадобиться отдельная кафедра, но в настоящее время ей хорошо служат существующие университетские структуры. Проблема в том, что в большинстве университетов отсутствуют преподаватели (эксперты) с должной подготовкой, чтобы работать с заинтересованными студентами в этой области знания.

За годы работы я подвергался нападкам со стороны людей в университетах, которые не считают, что эти исследования соответствуют тому, что они называют научными стандартами. Тем не менее, такого рода оценочное отношение – это пережитки прошлого поколения. Я нахожу, что более молодые исследователи имеют гораздо более широкие взгляды на эти вопросы не только потому, что они видят то внимание, которое вкладывается в конструирование, проведение и интерпретацию результатов таких исследований, но и потому что у них самих был определенный опыт такого рода. Ваш журнал заслуживает похвалы за его стремление придерживаться высоких стандартов в таких исследованиях и одновременно служить площадкой, где можно представлять и обсуждать подобные данные.

В.Х.: Что нового внесла нейроантропология в современную науку?

С.К.: Новая область нейроантропологии по своей сути интердисциплинарна; она использует методы и направления нейронаук. Исследователи когнитивных, аффективных социальных, экономических аспектов нейронаук изучают как соотношения между человеческим поведением и опытом, так и между мозгом и центральной нервной системой. Нейроантропологи интересуются тем, как особенности строения и функционирования головного мозга влияют на социальную организацию и культуру, человеческие институты и культуру, народные обычаи, язык и историю эволюции человека. Последняя тема включает нейропластичность. Не только мозг влияет на поведение; человеческое поведение также способно влиять на мозг. Это становится очевидным при изучении людей, практикующих медитацию, созерцание и молитву, а также лиц, проходящих психотерапию. Все эти занятия, по-видимому, интегрируют функции полушарий мозга, а также кору и остальные структуры. Выдвигались предположения, что шаманские практики также оказывают интегративный эффект.

В.Х.: И, конечно же, вопрос об Ассоциации антропологии сознания. Как она была создана? Как работает? Как взаимодействует со своей «материнской» организацией?

С.К.: Антропология может быть определена как научное изучение человечества в прошлом и в настоящем. Основные группы специалистов представлены физическими, культурными, лингвистическими и социальными антропологами. Список продолжают психологические, визуальные, медицинские, политические, экологические и многие другие антропологи. В течение нескольких лет группа так называемых «трансперсональных антропологов» подготовила несколько симпозиумов на национальных и региональных собраниях Американской антропологической ассоциации (ААА). Эти программы были хорошо приняты, и в 1990 году группа официально вошла в ААА под названием «Общество антропологии сознания». В общество вошли специалисты в области психологии, социологии, этнологии, археологии, исследований религии и искусства.

Основные темы исследований Общества антропологии сознания определяются содержанием программы 34-ой ежегодной конференции, проведенной в марте 2014 года. Среди них шаманизм и ритуальная практика, поэзия и песни традиционных обществ, влияние западных СМИ на культуры коренных народов, гендерные роли в целительской практике, использование психоделических растений людьми и животными, современное язычество, медитация и размышление в образовании, модели и карты сознания, будущее человечества в эволюционной перспективе. Главными методами остаются полевая работа, включенное наблюдение и архивные исследования.

В.Х.: Большое спасибо, уважаемый профессор Криппнер. Нашим читателям рассказанное Вами о работе по исследованию в области антропологии сознания будет, как мне кажется, чрезвычайно интересно. Особый интерес вызовет и ин-

формация об Обществе антропологии сознания, поскольку в июле 2013 года у нас в Москве была создана первая в России Ассоциация медицинских антропологов, которая пока приглашает к сотрудничеству и тех российских и зарубежных ученых, которые исследуют проблемы антропологии сознания.

С.К.: Я рад услышать об организации российской Ассоциации медицинских антропологов в 2013 году, и я надеюсь, что она сможет сотрудничать с Обществом антропологии сознания с целью просвещения как профессионалов, так и непрофессионалов об опасностях использования психоактивных веществ без должного руководства. По сути, существуют также риски, связанные с бесконтрольным использованием других аборигенных практик, как, например, “sweat lodges” (букв. «ложа пота», ритуал очищения в своеобразной парной, проводимый, в частности, некоторыми американскими индейцами, – прим. перевод.), «вселение духов» и хождение по огню (fire-walking).

Примечания:

*Стенли Криппнер и Джозеф Диллард. Сновидения и творческий подход к решению проблем / Пер. с англ. В. Рогова. – М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1997. – 256 с.

Криппнер С. Методы психологического исследования и сообщения об аномальных явлениях в практике шаманов // Этнографическое обозрение. 2007, № 1. С.46–55.

Криппнер С. Измененные состояния сознания и шаманские ритуалы // «Избранники духов» – «Избравшие духов»: Традиционное шаманство и не-ошаманизм. Памяти В.Н. Баилова (1937–1998) / Сб. статей. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 247–268 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 17).

¹ Криппнер С., Сидиан Утренняя Звезда Джонс. Шаман по имени Рокочущий Гром [пер. с англ. В. Ремизовой] – М.: Постум, 2012. – 288 с. – (Серия «Дымящееся зеркало»). Книга посвящена российским антропологам, исследователям шаманизма Дмитрию Функу и Валентине Харитоновой.

© 2013 В.И. Харитоновой, Ст. Криппнер

© 2013 редакция журнала «МАиБ»